

Политковская и Путин. День смерти и день рождения. Все, что Анна Политковская писала о Владимире Путине в "Новой газете"

07 Октябрь 2011 [Елена Рыковцева](#)

Анна Политковская, 16 октября 2002

Поделиться

34

[Смотреть комментарии](#)

«Если когда-нибудь, не дай бог, президентом России станет журналистка Политковская, то вдруг выяснится, что во времена Путина мы, оказывается, жили при страшном полицейском режиме, когда тюрьмы были забиты благородными борцами за незалежность Ичкерии!». Так писал в июле 2005 года главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков. Он напрасно переживал. Она погибнет уже через год. Если и существует связь «Политковская – президент России», так это день ее смерти – его день рождения. Был ли это подарок ему, или, напротив, кто-то хотел напакостить? Или это мистическое совпадение? Мы не будем гадать сегодня. Мы вас спросим: легче стало Путину жить оттого, что нет Политковской? Я хочу представить вам все публикации Анны Политковской в «Новой газете» с 99-го по 2006 годы, которые так или иначе касались Владимира Путина. Я разделила их на пять блоков, которые условно можно назвать: Путин и Чечня, Путин и страна, Путин и заграница, Путин и Ахмат Кадыров, Путин и Рамзан Кадыров. Продвижение обоих Кадыровых Политковская считала самой страшной ошибкой Владимира Путина. С обоими она вела бескомпромиссную войну. Тему «Путин и Чечня» начну с интервью, которое Анна Политковская в октябре 99-го года взяла у Руслана Аушева, тогдашнего президента Ингушетии. Он будет ее кумиром до конца жизни. Когда я спрашивала ее, а кого она видит президентом России, она говорила: «Аушева».

Диктор: Руслан Аушев: «Москва держит Чечню как палочку-выручалочку, на все случаи жизни. В любое нужное Москве время Чечню можно распалить, завертеть, закрутить - и поехало. Вот сейчас, под шумок борьбы с терроризмом центр мечтает поставить точку в отношениях с Чечней. Но ради чего? Ради измученного народа? Нет, считаю, цель одна: кто поставит эту точку - тот и герой, того можно вкатывать в Кремль. Понадобилось сделать из Путина победителя - вот и стараются! Не считаясь с жертвами и последствиями».

Елена Рыковцева: В ноябре 99-го года Политковская написала статью под названием «Калашников» пальнул по старикам»: как была сорвана операция по спасению грозненского дома престарелых.

Диктор: «Ну, сил же нет все это видеть и терпеть! Ну зачем мне Путин, гарцующий по телеэкранам с его «мочиловкой»? Подавай мне Путина, защитника слабых (государство наше по Конституции - прежде всего социальное)! Подавай мне Путина, управляющего хотя бы своими министрами! Подавай мне Путина, заискивающего не перед «силовиками», а перед простыми гражданами - страдающими, погибающими под бомбами, равно как и от насилия обезумевших террористов! Подавай мне Путина - не того, кто демонстративно, при камерах, лезет в бомбардировщик в шлеме не по размеру! Подавай мне Путина - посетителя Грозненского дома престарелых в Старопромысловском районе! И еще. А вам не кажется странным, что газета - средство массовой информации, с маниакальной настойчивостью берет на себя функции исполнительной власти и несет их на своем горбу?».

Елена Рыковцева: Вот несколько высказываний разных лет о чеченской политике Путина. 20 мая 2002 года, из статьи «Чеченский выбор: от «новра» до «конвейера».

Диктор: «Тактику ковровых бомбардировок сменила стратегия конвейерного уничтожения людей. Чечня времен Путина - это годы молчания о главном или одинокие вопли страдающих граждан, которые тут же утопают в песнях и оргиях тех, кто делает вид, до какой степени им все происходящее нравится».

Елена Рыковцева: Из публикации от 16 мая 2002 года, где Политковская возмущалась тем, что полковник Буданов был признан невменяемым – она считала это попыткой избавить его от ответственности.

Диктор: «Часто думаю: за что же все-таки я так не люблю президента Путина? Вот и ответ родился. За цинизм его, за то, что «нездоровый» Буданов Путину ближе и понятнее, чем беззащитная деревенская девушка, вся беда которой состояла в том, что родилась она у чеченских папы и мамы. За расизм - разделение народа, его избравшего, на «первый» и «второй» сорт. И наконец, за откровенно насаждаемый неосоветизм: когда РАДИ ИДЕИ, пусть даже мифической (в данный момент - это «борьба с международным терроризмом»), тем, кто верно служит этой ИДЕЕ («первому сорту»), «можно все». Остальные же («второй спорт») обречены утереться».

Елена Рыковцева: «Без вести живые» - это название статьи о судьбах русских жителей Грозного, которые стали беженцами. Опубликовано 12 сентября 2002 года.

Диктор: «Результат плачевный: забытые всеми, покинутые страной и родными, сидят русские грозненцы по чужим углам, будучи уверены, что это конец их жизни. Разочаровавшиеся, заживо мертвые. И когда видишь их, смотришь в глаза, слушаешь, то понимаешь - совсем не требуется слов о том, что Путин что-то там наладил в системе нашей власти: как не желал чиновник работать, так и плюет он на телевизионный гнев президента, время от времени принуждающий его к выполнению прямых обязанностей. Как не было в стране строгих правил, которые заставили бы чиновника обратить внимание на конкретную беду, так и нет».

Елена Рыковцева: 19 февраля 2004 года Анна Политковская писала статью о взрывах в московском метро. «Фунт лиха в тротиловом эквиваленте». Две недели после взрыва. Взавших на себя ответственность нет. Почему?»

Диктор: «У Путина все предельно просто - дочки в метро не ездят, и поэтому он все знает, даже когда не знает ничего. Объявил: «Масхадов и его бандиты», - и был таков. Сегодня же ничего нет к миру. Путин рушит все планы, кроме своего, репродуцирующего террор. И поэтому беспросветность - мы перед лицом растущего индивидуального террора. И это - главная Берлинская стена наших дней, к разрушению которой мы не приступали».

Елена Рыковцева: Что укреплял Владимир Путин – так это личную власть Ахмата-Хаджи Кадырова. Историю того, как Путин возвел Кадырова на чеченский престол, Политковская начинает описывать с 2000-го года. В октябрьской публикации она разбиралась, почему президента Ингушетии Руслана Аушева не пригласили на совещание руководителей северокавказских регионов по ситуации в Чечне, которое проводил Владимир Путин? И давала ответ: «Режиссеры кремлевских интриг таким образом дали почувствовать Аушеву, что более не считают его ровней руководителям регионов. А среди них главный – Кадыров».

Диктор: «Путин публично возмечивал именно НАЗНАЧЕННОГО им главу республики. Он откровенно подчеркнул, ЧТО для него будет главным в грядущем общении с руководителями регионов - они должны быть НЕ ВЫБРАННЫ. В такой компании Аушеву действительно нет места. Он - отверженный по праву: всенародно избранный, авторитет в своей республике, любимец большинства, лидер, который все месяцы войны последовательно выступал за приоритет политических решений, за переговоры с кем угодно ради скорейшего мира. И не только говорил, но и делал».

Елена Рыковцева: В заметке от 16 декабря 2002 года «Черный съезд черного нала» Политковская разбиралась, «по какой-токой серьезнейшей причине именно Кадырова, и никого другого, столь маниакально хотят иметь в Чечне на ближайшие пару лет и для этого готовы на все?».

Диктор: «Кадыров хорош для Кремля именно потому, что совершенно повязан, замаран и доказал, что не имеет никакого отношения к тем, кто способен остановить войну или стремится облегчить жизнь своего народа. Зато он весьма продуктивен во всем, что касается финансовой стороны вопроса. Чечня такая, какая она есть - черная дыра тотального беззакония, - ВЫГОДНА Кремлю до следующих общероссийских выборов. И парламентских, и президентских. Чечне уготована роль зоны черного нала для обслуживания этих грядущих выборов - зоны, через которую «Единство» будет сначала накачивать (под грифом «восстановления» и «благотворительности»), а потом выгрывать необходимые «левые» средства. Только не делайте широко распространенной ошибки, думая, что будущим выборам Путина и «Единства» в России совсем не требуются добротные финансовые инъекции ввиду высоких рейтингов - эти рейтинги потому-то и высоки, что услуги по пропаганде и поддержанию их запредельного уровня очень хорошо оплачены. Так что Кадыров в Чечне нужен Кремлю столь же остро, как и Кремль – Кадырову».

Елена Рыковцева: В августе 2003 года Анна Политковская рассказывала, как Чечня готовится к выборам на пост президента Ахмата-Хаджи Кадырова. Публикация называлась «Избирательные урны станут погребальными?».

Диктор: «Кадыровцы» - главный ресурс Ахмат-Хаджи Кадырова, «и.о.президента» Чечни в отпуске и претендента на президентское кресло. «Кадыровцами» в Чечне называют отряды, находящиеся в подчинении Рамзана Кадырова, сына Ахмат-Хаджи. Рамзан занимает пост начальника папиной охраны. Маленький пример для ясности - как идет сбор средств в предвыборный фонд Ахмат-Хаджи. Каждому министру в чеченском правительстве Рамзан (в этом уверяют большинство министров) называет сумму, которую данное министерство должно сдать. Речь идет не о тысячах рублей, а о тысячах долларов. Министр составляет, в котором раскидывает сумму по сотрудинкам в зависимости от занимаемой должности. До пяти тысяч министерством определенной Рамзаном суммы они будут уволены. Естественно, люди панически боятся потерять работу, потому что бюджетные зарплатные деньги - единственные, более или менее стабильно поступающие в Чечню. В результате сегодня одна половина Чечни фактически в долгу у другой половины. Все заняли-перезаняли друг у друга, чтобы не связываться с кадыровским семейством».

Елена Рыковцева: 22 января 2004 года. «Кадыров подлизывается к Путину» - это название ее заметки в «Новой газете».

Диктор: «Ахмат Кадыров, вернувшись из Саудовской Аравии, собрал в Москве пресс-конференцию и наговорил сорок бочек арестантов. Во-первых, что он сделал бы Путина пожизненным президентом, потому что это «лучший президент для России». Дальше - акнурат за лизоблюдством, - естественно, о своем прямом финансовом интересе: что хорошо бы отдать ему в управление нефтекомплекс. Особый общественный резонанс в Москве, естественно, вызвали эскапады о пожизненном сроке - столичный политбомонд уже понемногу привык, что Кадыров - это как Жириновский: открывает рот на ту тему, которую заказывает администрация президента, обкатывающая на публике тот или иной свой затаенный план. Кстати, Кадыров с прошлой осени восхищается управленческим методом другого пожизненного президента - Туркменбаши, - то заклинания бывшего дудаевского муфтия от 19 января очень даже к

Елена Рыковцева: и все выглядит логично».

Елена Рыковцева: В августе 2004 года московское правительство решает увековечить имя Ахмата-Хаджи Кадырова, погибшего на стадионе в Грозном. Оно хочет назвать его именем одну из московских улиц. «С подачи Путина, конечно», - уточняет Политковская в статье под названием «Улица Кадырова, Угол Берия».

Диктор: «Нельзя допустить такого надругательства над нами, нашей Москвой и нашей памятью. Это все равно что назвать улицу именем Берии. Либо Ежова. Или Ягоды. И как потом себя именовать детям, которые вырастут на улице Кадырова? «Кадыровцами»? Именем самых жутких палачей из отряда Рамзана Кадырова? И московские «кадыровцы» потеснят «детей Арбата», «замоскворецких», «с Палихи»?.. В угоду господам с очень дурным вкусом и рабской психологией, которые заполонили Москву. Им наплевать. А мы ее любим. И это дает право - не смириться с кощунством».

Елена Рыковцева: «Путин и страна» - под таким условным заголовком я объединила те статьи Анны Политковской, которые касались отношению граждан России к тому, что сама она называла «режимом Путина». Из публикации от 5 апреля 2001 года «Операция фосген», в которой рассказывалось о простом человеке по фамилии Фокин, который нашел на пустыре баллон с ядовитым газом, сообщил об этом милиции, а его укупили за это в психушку. И эта история происходит параллельно с разгромом НТВ.

Диктор: «Сейчас все обсуждают тему «Россия без НТВ?», заданную в минувший вторник Евгением Киселевым. Мол, что это такое?.. Россия без НТВ - это Россия с Путиным. То есть с главным лицемером всея Руси. Это он строит свою политику на вседозволенности правоохранительной системы. Под ладно скроенные фразки о приоритете закона. Нет никакой борьбы с преступностью - есть борьба с инакомыслием. От НТВ до гражданина Фокина. И зачем все это власти? В воспитательных целях. Граждане должны не высовываться, быть незаметными и незамеченными, должны успеть склонить голову перед сильным, а еще лучше - проворно дать ему на лапу, пока он тебя не сожрал. Это и есть страна, где правит закомплексованный полкаш, не сумевший дотянуться до генерала».

Елена Рыковцева: 5 июня 2002 года. Публикация «Сахаров на реставрации». О том, как в Москве была осквернена мемориальная доска Андрею Дмитриевичу Сахарову на здании Музея и Общественного центра его имени, и никто даже не подумал искать виновных.

Диктор: «Можно как угодно относиться к Путину - любить или ненавидеть, но из песни слов не выкинешь: страна под его предводительством все дальше скатывается в неосоветизм. Где процветал негласно поощряемый антисемитизм, где покрикивали на Сахарова, где агрессивное и недалекое большинство клеймило его позором, а меньшинству было постоянно стыдно за происходящее. Теперь - то же самое. Плюнули в Сахарова - неважно, чьими руками. И мы тоже опять промолчали. Мутные весна-лето второго десятилетия российского новейшего времени. Сахаров закрылся на реставрацию. Так должно было случиться, и так случилось».

Елена Рыковцева: 10 июня 2002 года. Из статьи, которая называлась «От ответственности полковника Буданова освобождает тот же врач, который сажал в психушки диссидентов».

Диктор: «Наше страшное прошлое становится подлым настоящим. Вспомним 2000 год. Тогда многие говорили: «Ладно, не так уж страшен черт, как его малюют. Ну и что с того, что он родом из КГБ советских времен?.. Обтешется». А потом - понеслось... За Путиным подтянулась «команда» - сотни людей, во все уровни, из всех щелей. И наверху оказались те, кому он, Путин, доверял. С одной стороны, это естественно. Но с другой - выяснилось, что доверял он главным образом только «своим», у которых то или иное прошлое в КГБ. Так властные и привластные структуры «новой России» наводнили граждане со специфическими традициями и с репрессивным менталитетом».

Елена Рыковцева: Публикация от 18 марта 2004 года, посвященная операции российских спецслужб в Катаре по убийству Зелимхана Яндарбиева.

Диктор: «Взрыв в Катаре доказывает, что Россия вернулась в Советский Союз в том, что практикует политический терроризм не только в пределах своих границ, в Чечне, но и везде «мочит», где хочет. После убийства Яндарбиева идею о «дипвзрывчатке» бесполезно осмеивать. Одни в нашей стране линию на политический терроризм, пришедший с Путиным, поддерживают, а другие категорически отрицают. Но это уже детали. Главное, что такая причастность ФСБ (или ГРУ) реальна. Дозволено все».

Елена Рыковцева: 22 марта 2004 года. Политковская сравнивает реакцию испанского общества на тамошние теракты с отношением россиян к террору в России.

Диктор: «Наша апатия особенно колет глаза на фоне происходящего в Испании. Тамошнее правительство приказало долго жить спустя три дня после терактов 11 марта - народ вышел на улицы и смел его. В России теракты уже серийны - только за 2003 год их было десять. Однако власть, несущая за них полную меру ответственности, лишь укрепила и упрочила свои идеологические позиции. С нашего молчаливого согласия. В 2004 году мы окончательно вернулись в состояние хомо советикус, и это совсем не то, что мы же о себе намечтали в каком-нибудь 1994-м. Мы в своем большинстве - опять советские обыватели и lumpены. Что нас может вывести из себя? И на улицы? Сегодня - ничто. Диссидентство на годы будет уделом одиночек. К тому же мы растеряли лидеров. Или они растеряли нас. И на этих руинах сегодня - укрепление культа Путина и тотальное неверие в демократию и соответствующую риторикку».

Елена Рыковцева: Политковская полагала, что и ее коллеги-правозащитники тоже смирились с Владимиром Путиным. 15 декабря 2003 года, сразу после думских выборов, на которых демократические силы потерпели оглушительный провал, она написала заметку под названием «Президент прикинулся «Яблоком» и создает Союз правых сил» – о встрече Путина с российскими правозащитниками.

Диктор: «Даже принципиальная разница в фундаментальных подходах к действительности не помешала правозащитникам, приглашенным на встречу с Путиным, рассыпаться перед ним самым мелким бисером. В один из моментов кто-то из них прямо так и рубанул в глаза любимому: мол, ощущение, что вы понимаете нас куда лучше, чем силовики. Путин ничуть не смутился и рубанул в ответ: «Это потому, что я в душе демократ». Дальше градус счастья только рос. Апофеоз соития личного с общественным случился, когда слова «на минутку» попросил доктор Рошаль. «Владимир Владимирович, я вас люблю», - сказал он уже привычное. И продолжил: «И я не люблю Ходорковского...». Владимир Владимирович напрягся - от повисшего многоточия, кто знает, куда вынесет этого Рошала. И точно, доктора понесло на рифы: «Хотя я вас люблю и не люблю Ходорковского, я не готов видеть Ходорковского под арестом. Ну, куда он сбегит?». Между президентом и правозащитниками выросла стена отчуждения, и аудитория прикусила языки. О Ходорковском больше никто не отважился вспомнить. Атмосфера помрачнела, и нашелся только один человек, который посмел приблизиться ко второй теме, на которую клеветы президента просят с ним не говорить, он тут же выходит из себя: Ганнушкина вспомнила о Чечне, хотя Чечня в плане не стояла. Зачем Путин встречался с правозащитниками? Правозащитники остро понадобились Кремлю как антураж – облагораживающая декорация, которая должна закрыть дыру отсутствующего парламентского демфронта. К тому же Путин - неплохой имитатор. Он умеет подбирать чужое с земли и успешно рядиться в чужие костюмы. Бывали времена, он имитировал железную волю и кулак, и это было хорошо сыграно. Сейчас наступило время примерки на себя упавших одежд «Яблока» и СПС - он решил сымитировать их обоих в одном себе.

А что правозащитники? Готовы ли на предложенную им замену Явлинского с Немцовым на одемокраченного, в силу обстоятельств, Путина? Самое парадоксальное, что да - правозащитная среда готова ответить на это сердцем, даже согласившись на выведение Чечни за скобки. Вслед за доктором Рошальем и многие другие востребованные нынешней властью последователи Сахарова и Боннэр уже заговорили: о личном обаянии Путина, что им «вселяет надежду».

Елена Рыковцева: А сейчас я хочу представить вам человека, который вместе с вами в этой студии слушает и вспоминает все эти публикации. Это Акрам Муртазаев, который работал заместителем главного редактора «Новой газеты» с 96-го по 2003-й годы. Из них вместе с Аней Политковской – 4 года. Она в 99-ом к вам пришла.

Акрам, вы разделяли тогда ее взгляды на политику Путина – по части войны и по части страны? Или вам казалось, что это чересчур?

Акрам Муртазаев: Ну, чересчур – это был как раз ее формат деятельности. Она жила в этой зоне. Она была чересчур свободным человеком. Но то, что ее взгляды совпадали с нашими, - это безусловно, иначе бы она не пришла в команду, иначе бы она не получила такие приоритеты, иначе бы она печаталась гораздо меньше. Я помню, что мне не раз приходилось снимать ее материалы из номера, и это сопровождалось очень дикими криками, ссорами. Ну, как в любой редакции. Но что касается ее генеральной линии, ее направления, в этом никаких сомнений не было. Потому что у нее был какой-то ген справедливости, он выражался иногда очень не по-человечески, но справедливо была. Мне очень нравились ее материалы, которые были посвящены Чечне, которые были посвящены справедливости, и немножко меньше – когда дело касалось какой-то политической составляющей нашей жизни. Вот здесь иногда ее заносило, и вместо анализа она преподносила свои эмоциональные воззрения на политику. Это было в стилистике «Новой газеты», но все же не хватало некой аналитики. Но, в общем-то, когда рядом стояли другие материалы, она смотрелась органично и, конечно, полностью соответствовала нашим взглядам на жизнь.

Елена Рыковцева: И ведь Анну Политковскую возмущало не только укрепление культа Путина в России, но и привечание его зарубежными лидерами. Она много ездила за границу и, как правило, резко критиковала западное общество за равнодушие к чеченской проблеме и за апатичное, соглашательское отношение к Путину лично. 5 апреля 2004 года Политковская передавала из Лондона материал под названием «Тайна отеля «Клэриджс».

Диктор: «Поставленная задача была под стать погоде: как, прилетев в британскую столицу, задать один вопрос Тони Блэру, премьер-министру влиятельного островного королевства. Вопрос такой: почему с некоторых пор он стал другом нашего президента Путина? За какие качества господин Блэр Путина полюбил? Точка зрения премьер-министра Великобритании на мои вопросы о природе любви Блэра к Путину оказалась коротка и исчерпывающая. Премьер-министр ответил: «Любить господина Путина - это работа премьер-министра». И все. И действительно, что тут еще прибавить... Работа повара – приготовить рыбу. Работа врача - отрезать аппендикс. Работа одного главы государства - продемонстрировать, что любишь другого главу государства. И больше ничего».

Елена Рыковцева: 16 августа 2001 года, Политковская пишет из Норвегии. Заметка называлась «Кто в Европе ответит за войну в Европе?».

Диктор: «Европа не желает бороться с войной в Чечне, Европа погрязла в двойном стандарте понимания прав человека. Когда один стандарт, дистиллированный, красивый, цивилизованно-опрятный и понятный, - это для всей Европы. Другой, не слишком чистый и дистиллированный, - для России, где всего десятилетие от рожества демократии. И пустота, отсутствие какого-либо стандарта - для Чечни, мятежного анклава. Европа фактически смирилась с существованием территории, где можно безнаказанно беспредельничать. И война, которая там идет, вроде бы не касается европейцев».

Елена Рыковцева: 13 мая 2002 года. О международной конференции в Бонне на тему «СМИ и терроризм» - «Толпа интеллектуалов под знаменем модных войн».

Диктор: «Из боннских речей в целом получалось, что сейчас в мире есть модные войны – в Афганистане и палестино-израильская, где все понятно и «журналисты работают на историю». А есть немодные, вроде нашей второй чеченской, запутанной донельзя, кто там есть кто, к тому же мучительно идущей 31-й месяц подряд, сопровождающейся очевидными воинскими преступлениями и поэтому совершенно не популярной для освещения. Особенно после 11 сентября, когда Буш подружился с Путиным на почве единого «бескомпромиссного» понимания «антитеррористических» целей и задач и в Чечню окончательно перестали ездить ведущие СМИ и иностранные репортеры».

Елена Рыковцева: «Немодная война» - это сентябрь 2002 года. На Политковскую, как она сама иронично пишет, вдруг возник большой спрос в Европе. Вот в Данию пригласили, рассказать о Чечне. И что же?

Диктор: «Слушают и вроде понимают. А потом начинаются вопросы, которые демонстрируют явную неосведомленность и симпатию к Путину больше, чем антипатию, пусть хоть и ведущему кровавую войну, но все-таки «с терроризмом», умеющему сохранять страну в узде, говорящему по-немецки и... Наконец ясно, чего датчане боятся больше: не тотального нарушения прав человека на одной европейской территории, а России, которая поплывет к ним потоками беженцев в том случае, если у власти окажется кто-то иной... И я твердо убеждаюсь, что за граница нам не поможет».

Елена Рыковцева: Потом ее приглашают в Норвежский нобелевский институт, потом на журналистскую конференцию в Швейцарию... И в ходе всех этих ее «прогулок» Европа «демонстрировала свой подход к чеченской проблеме: есть одни права человека - высшие - для «них», для так называемой цивилизованной Европы. И есть другие, пожизне - для нас»:

Диктор: «Путин только усугубляет наше положение в Европе в качестве людей второго-третьего-четвертого и далее по нисходящей сорта. Потому что он сам так думает: те, кто уговарили его стать президентом России, обрекли на поражение все остальное. Он тоже делит людей на сорта. Потому что допускает, чтобы в отношении части из них как бы временно (сроки временности - уже три года) отменены все права человека, установленные международными конвенциями».

Елена Рыковцева: 22 сентября 2003 года Политковская, которая всегда очень резко критиковала Соединенные Штаты за «соглашательство» по отношению к политике Владимира Путина, наконец, одобрила те слушания по Чечне, которые прошли в американском Конгрессе.

Диктор: «Дожили. Казалось бы, не было ничего более бесперспективного, чем привлекать внимание американских политиков, поделивших мир на причастных к мировому терроризму и борющихся с ним, к ситуации в Чечне. И вот, похоже, границы между теми и этими начинают рушиться. По мере приближения к президентским выборам в США и такими же выборами в России».

Елена Рыковцева: Однако же Европа продолжала огорчать Анну. В сентябре 2003 года ей пришло приглашение на Франкфуртскую книжную ярмарку, чтобы выступить на дискуссии по чеченской проблеме. А потом она получила новое письмо, из которого следовало, что у организаторов дискуссии, назначенной на 11 октября, появились небольшие проблемы. Они связаны с тем, что на ярмарку, возможно, приедет президент Путин, и поэтому дискуссия о Чечне выглядит нежелательной.

Диктор: «Дело, конечно, совсем не в этой мелочи - съездить во Франкфурт или нет. Дело - в принципе. Чечня – вымарана. Или почти вымарана из Франкфурта-2003, посвященного России. И все это уже не случайность. Запад все более осовечивается под нашим мудрым руководством. И именно поэтому «правда с земли» в отставке. На наших глазах одерживает победу правда официальная - потому что она удобна Западу. Да, в кулуарах о Чечне поговорить там горазды. Да, в редакции нашу высокие западные чиновники ходят чередом за информацией - руки нам с благодарностью трясут, про мужество говорят и головой кивают. Но как до дела - до четкого определения позиций и открытого их выражения - тут-то и начинаются до боли знакомые советские мотивы. Мол, Россия – слишком большая и страшная страна, ядерное оружие, лучше любить Путина, чем сказать слово поперек. К тому же новый мировой порядок - этот пресловутый «поход против международного терроризма», Буш любит Путина, Путин любит Буша; в перерывах - сцены дружбы до гробовой доски с Блэром, Шираком, Шредером. Понимаете ли, общемировая политическая целесообразность».

Елена Рыковцева: Акрам, как вы считаете, не была ли слишком несправедливой к «западникам» Анна Политковская? Мне кажется, она все-таки недооценивала восприятие тамошним обществом того, о чем она им говорила и кричала. Хотя бы потому, что на ее гибель там отреагировали острее и человечнее. Какие же у людей проявления-то необыкновенные были на Западе, когда это все случилось, не сравнить с Россией.

Акрам Муртазаев: Проявления же были простых людей, они выходили на улицы, они выходили со свечами на площади, стояли и читали «минутой молчания» память об Анне. А она писала об отношениях государственных структур к войне в Чечне. А между государством и народом всегда очень большая разница, если не сказать, что она просто катастрофическая. Она обвиняла, прежде всего, не людей, а она обвиняла государственные структуры.

Елена Рыковцева: А справедливо?

Акрам Муртазаев: Совершенно справедливо, конечно. Мы же сегодня говорим, что в угоду тем или иным политическим соображениям мы не проявляем какие-то нормальные человеческие качества. Мы сегодня защищаем режим в Сирии, поскольку продаем ему много оружия. И нас не волнует, что там чувствует народ. Мы поддерживаем режим, поскольку он покупает у нас оружие. Это маленький пример того, когда политика не учитывает людей, она учитывает плюсы и минусы. А Анна была категорически против того, чтобы расхотелись человеческая и политическая составляющие. И когда они не совпадали – это вызывало у нее очень сильное раздражение. Я же говорю, она жила в каком-то другом формате – формате категорическом. Она не любила фальшь и выражала это иногда очень резко. Конечно, она со временем научилась хоть как-то делать свои мысли не такими уж прямолинейными, она привнесла даже какую-то иронию, которая была свойственна «Новой газете». И у нее блестяще получалась политическая ирония.

Елена Рыковцева: Жаль, что мы не можем привести... тут надо приводить в полном объеме, а он большой, ее репортаж о том, как правозащитники российские ходили к Бушу в «Спасо-Хаус» в ходе его визита в Москву. Ну, не только правозащитники, там были еще «евреи, мусульмане, Павловский»... И она безумно смешно это описывает. Она из американского президента делает гораздо менее умного человека, чем из Владимира Путина, на встрече с российскими правозащитниками. Она считает единственным достоинством американских дипломатов – длинные носки, в отличие от русских, у которых они короткие. Большего издевательства придумать, конечно, невозможно. Ну очень смешно! Это называлось «Буш и унесенные ветром».

Акрам Муртазаев: Это был потрясающий репортаж! Если мы сегодня читаем какие-то материалы, которые пишет из путинского пула Колесников, то можно заметить, что немножко раньше эту иронию, легкую издевку, перечеркивающую какой-то информационный повод, привнесла именно Аня. И наблюдение за носками было поразительным! Наши правозащитники все уселись, и пространство между носками и брюками, эти голые ножки правозащитников – конечно, это было потрясающе! Очень хороший был материал.

Елена Рыковцева: Мы переходим к заключительной части нашего разговора. Это тема, в которой никаких компромиссов, конечно, не было до самого конца, никаких полутонов, просто шашкой наголо – это Рамзан Кадыров. Самые жесткие, самые острые, самые отчаянные публикации о Рамзане Кадырове она писала до конца. Все, что она думает о его грядущем восхождении на трон, она написала еще 13 мая 2004 года, сразу после гибели Ахмата-Хаджи Кадырова.

Диктор: «Решать будет Путин, и только он. Таковы реалии политики, спустившейся 7 мая со Святого крыльца в Кремле. Сценарий № 1: Кадырова-младшего - на царство. Почему этот вариант худший? Рамзан - человек только войны. И каждый знает в Чечне: Рамзан «славен» жестокостью, наглостью и сильной тягой к бюджетным деньгам. Но промежуточный итог все равно таков: на день 10 мая 2004 года Путин захотел в Чечне именно Рамзана. И это не просто политическая ошибка Путина - это трагедия, которая приведет лишь к большим жертвам. Даже «сделанный» президентом, Рамзан усидит в кресле еще меньше отца. Во-первых, потому, что поведением своим только плодит терроризм. Во-вторых, не способен быть лидером мира. Единственное амплу, которое ему под силу, - это роль политического гангстера. Так что главное в сценарии № 1 - лишь отложение чеченского вопроса, замораживание конфликта, гарантия продолжения террористических атак, а не прекращения их. И иллюзия Путина - что он лично держит руку на пульсе. Больше ничего».

Елена Рыковцева: Она, конечно, предлагала свой сценарий – без Рамзана. Это сценарий радикального освобождения от клана. Она считала, что это хоть

какой-то шанс на мир, но понимала, что такой сценарий – утопия.

21 июня 2004 года Политковская пишет свой самый страшный материал о Рамзане Кадырове. Как ни странно, это материал о личной с ним встрече. Казалось бы, что может быть страшного в индивидуальном общении? А вот послушайте.

Диктор: «Интервью с Рамзаном складывалось сложно. Оказалось, что в Грозном это сделать практически невозможно - Рамзан постоянно сидит в

Гудермесском районе, в селении Центорой (другое название - Хоси-Юрт), и туда теперь фактически перенеслась чеченская столица.

- Если бы вы нас оставили в покое, мы бы, чеченцы, давно были едины.

- Кто – «вы»?

- Журналисты - такие, как ты. Политики русские. Вы нам не даете навести порядок. Разъединяете вы нас. Ты встала между чеченцами. Ты - враг. Ты - хуже Басаева.

Разговор приобретает все более высокий эмоциональный градус – «ты просишь за бандитов», «ты - враг чеченского народа», «ты должна ответить за это». Уже орет Рамзан, подпрыгивая на стуле. Действие происходит за большим овальным столом и все больше напоминает бандитскую сходку из фильма «Место встречи изменить нельзя». Рамзан ведет себя странно - вроде как старший в доме, хотя тут он самый младший. Постоянно смеется невпопад.

Чешется. Выгибается. Подтанцовывает. Поддериживает нелепыми репликами. Идет смотреть себя по телевизору - и очень этим доволен. Комментирует походку Путина: «Красавчик!». Путин, кажется ему, ходит, как горец. А за окнами-то – ночь. Надо выбираться, а страсти все накаляются. Наконец Рамзан распоряжается, чтобы отвезли в Грозный.

Утро следующего дня начинается в Грозном со звонка Тауса Джабраилова, председателя Госсовета Чеченской Республики. Он просит поехать в Центорой – «там сдался полевой командир, хочет дать интервью». И опять - сеть центоройских КПП, «гостевой домик», толпы вооруженных, тонны видимого оружия, у камина сидит Рамзан: «Не будет тебе никакого полевого командира! Чего захотела!». Сегодня он крайне агрессивен, взведен, бешеный, временами просто визжит. За его спиной - высокий парень в бейсболке и черной куртке. Он все время подзуживает: «Тебя надо было расстрелять еще в Москве, на улице, как там у вас в Москве расстреливают. Тебя надо было расстрелять...». Рамзан вторит: «Ты – враг. Расстрелять: Ты – враг. Ты знаешь этого человека?». На диване, действительно, человек со знакомым лицом. Это - Ибрагим Гарсиев из селения Танги-Чу, тот самый, который год назад служил в охране Рустама Сайдуллаева, брата Малика Сайдуллаева, который был главным конкурентом погибшего Кадырова. С Гарсиевым мы тогда встречались, и он охотно демонстрировал всем желающим журналистам побои, рассказывал, как его пытал в Центорое лично Рамзан, требуя пронести взрывное устройство в дом Сайдуллаевых и взорвать Малика. Более того, тогда Гарсиев написал заявление на имя генпрокурора Российской Федерации с требованием возбудить уголовное дело против Рамзана». Сейчас, 11 июня 2004 года, в Центорое, Гарсиев готов написать обратное заявление (как и случилось) в ГП, что Рамзан его никогда не пытал - Будешь писать опровержение, что я не бандит?! Будешь? – орет мне Кадыров, явно играя на камеру. Она работает постоянно и оказывается «пресс-службой Федерации бокса ЧР». - Я тебе докажу. Ты - враг. Я тебя заставлю. Ты - хуже Басаева. Ты встала между чеченцами. И русские генералы встали: Если бы не вы, мы бы давно договорились.

Шабаш длился несколько часов. Рамзан то плясал, то орал, то лез трясги руку, то уходил разговаривать с приехавшим в гостевой домик Абрамовым, то возвращался и снова орал: «Я - не бандит. Я тебя заставлю. Не отпущу». Наконец терпения не осталось, я встала и пошла вперед, была не была. Конечно, слезы не просто душили - они уже придушили. Конечно, ждала очереди в спину. Хохочущая вооруженная толпа грохотала вслед - они тоже пошли. Рамзан висел на шее несчастного Гарсиева и орал: «Сфотографируй нас, слышь!».

Рыдала до Грозного. У одних оружие защиты - автоматическое, стрелковое и пр., и оно висит на боку. У других - слезы. Этим люди и отличаются. Когда исчерпаны аргументы - да, собственно, центороевская среда и само слово «аргумент» не понимает – тогда остаются слезы. Это - слезы отчаяния от того, как подобное вообще могло случиться, что виток истории поднял на гребень именно Рамзана Кадырова. И он силен и безраздельно правит - естественно, как умеет. Что никто - НИ ОДИН МУЖЧИНА, находившийся в эти два дня в Центорое рядом, не посмел остановить распоясавшегося. Что именно Рамзану, а не кому-то другому вечером звонил из Кремля «Владислав Юрьевич» - слышала - Владислав Сурков, замглавы путинской администрации, и это был единственный момент, когда Рамзан перестал хамить, сам того не замечая, потому что чует, откуда его сила.

Итак, старая-старая сказка, каких в истории было немало: Кремль вырастил

дракончика, и теперь требуется постоянно его подкармливать, чтобы он не изрыгал огонь.

Елена Рыковцева: Акрам, вы, наверное, помните это интервью?

Акрам Муртазаев: Да. Я уже не работал, но, конечно, я помню это интервью, поскольку оно было одним из самых громких, оно было резким, необычайно резким даже для нее. Вроде бы, она забыла уроки политкорректности и вновь обрела какую-то немислимую свободу в выражениях. Это интервью было, конечно, очень шокирующим.

Елена Рыковцева: А он подал в суд?

Акрам Муртазаев: Нет, конечно.

Елена Рыковцева: А потом он научился подавать в суд. Был ведь суд с правозащитником Орловым.

Акрам Муртазаев: Но это уже позже. Надо понимать, что регион, в котором никогда не решались в судебном порядке какие-то вопросы, всегда все решали «стволы», когда все решала сила, - это совершенно другой регион. Из него сделали какой-то силовой формат, где прав был тот, у кого больше оружия. Вопросы решались в ином порядке. И я думаю, что Аня это понимала и немножко все-таки провоцировала на какой-то поступок. Она выступила в роли ускорителя процесса.

Елена Рыковцева: Какого процесса? Того самого?

Акрам Муртазаев: Я думаю, что да. Если говорить в плане версий, то можно сказать, что это интервью предредило окончательный исход всех событий, которые накапливались по мере всех ее публикаций. Сложилась же сумма, это же не какая-то единичная статья, не единичное слово. Это накопление людей, которым она стала негодна, накапливание негативных ассоциаций, связанных с ее именем. Все это накапливалось. А это интервью, мне кажется, послужило детонатором. Кто им воспользовался – я боюсь сказать. Но то, что оно было очень ярким пятном на фоне всей ее биографии, - это безусловно.

Елена Рыковцева: После этого интервью было еще несколько, до самого конца, до августа 2006 года, таких материалов. Потом был [наш эфир 5-го числа](#), в день рождения Рамзана Кадырова, где она наговорила массу резких слов, а через два дня погибла. Между тем интервью в «Новой» и последним ее интервью к «Свободе» было еще несколько публикаций, которые сейчас читаешь... Страшно! Я приведу несколько примеров. 20 сентября 2004 года. «Конноизация чеченской власти. Прокремлевские руководители Чеченской Республики продолжают позорить свой Народ. В Северной Осетии, у соседей, еще продолжались похороны детей, мам, бабушек и учителей - жертв кошмарного захвата бесланской школы, а в селении Центорой Курчалоевского района Чечни уже вовсю веселились. Устроили праздничные скачки, в которых приняли участие первые лица республики. «Почему это стало традицией - покровительство Путина превращает людей в хамов?», - спрашивала, видимо, Политковская саму себя.

7 апреля 2006 года она самым подробным образом рассказывает в газете о компрометирующем видео, на котором действует человек, похожий на Рамзана Кадырова. Там много подробностей, которые мог позволить себе описать только человек абсолютно бесстрашный. Недопустимые, nepoзволиTeльные вещи он производит на этом видео, но она не боится все это описать. И потом обращает к публике вот такое заявление: «Уверена, что мобильное видео впрыснуто ради одного человека в нашей стране – Путина. Это показ в зале, где единственный зритель, который упорно не желает даже сделать вид, что озирает гнусную реальность, им слепленную из того, что попало под руку». Вот так о Путине и Кадырове, вот в таких выражениях. Это уже 2006 год. И есть несколько материалов. Например, интервью с одним влиятельных, как она пишет, влиятельных командиров промосковских чеченских силовых структур в августе 2006 года (за два месяца до гибели):

«- Почему вы считаете, что (нужно убраь Рамзана (от власти, конечно – Е.Р.), чтобы люди вышли из лесу)?

- Они не выйдут под рабство, а Рамзан - это продолжение рабства для нас. Они выйдут под закон. Только под закон. Второе условие: чтобы были

гарантированные рабочие места без автомата.

- Что вы имеете в виду? Чтобы им были готовы рабочие места? Это невозможно. Безработица тут - одна на всех беда.

- Нет, я имею в виду другое. Сегодня в Чечне ни один человек - любой, простой, которому не надо амнистироваться, который не воевал никогда и нигде, не уверен, что завтра у него останется работа, если он чем-нибудь не понравится Рамзану. И не может быть уверен, что будет жив, если не понравится Рамзану».

Вот такие вещи до самого конца и писала. Ну, безбашенная, бесшабашная, бескомпромиссная, бесстрашная... Акрам, прошло пять лет все-таки. Как вы думаете, она сегодня пересмотрела бы свое отношение к Рамзану Кадырову? Мы видели, что пять лет все как-то успокаивалось, кнутом или пряником, но произошло нечто, похожее на меньшее количество взрывов, чем в соседнем Дагестане. Как бы она писала о нем сегодня?

Акрам Муртазаев: Сейчас очень сложно говорить. Но мне кажется, что она бы не изменилась ни на грамм. Она была не способна меняться. Она могла изменить какие-то глаголы, какие-то прилагательные сделать более приемлемыми, но в основном направлении своих мыслей она бы не изменилась ни за что. Другое дело, я не совсем себе представляю, нашлась ли какая-нибудь площадка, где она могла бы выразить свои слова. На сегодняшний день совершенно очевидно, что писать про это уже нет смысла.

Елена Рыковцева: Или нельзя?

Акрам Муртазаев: Во-первых – бессмысленно, а во-вторых – нельзя. На сегодняшний момент, после событий в Турции, в Катаре и в других европейских странах, которые еще будут показывать, что внесудебные решения вопросов, касающихся свободы печати, возможны везде. Мне кажется, что площадку будет найти сложнее, поскольку понятно, что за этим последует не заявление Минпечати, не подача в суд, а что-нибудь другое, более эффективное. Вот и все.

Елена Рыковцева: «Страна, - пишет Алексей Гудаута из Абхазии, - разделенная по различным признакам, разделяется сегодня на тех, кто будет вспоминать о злодейском убийстве Политковской, и тех, кто будет праздновать день рождения Путина. Пожелание первым: дожить до торжества идеалов, за которые отдала свою жизнь Анна. Пожелание тем, кто будет говорить заздравные речи в честь именинника...». Алексей, не буду желать людям плохого. Акрам, вы согласны с тем, что не может быть примирения двух (если они существуют) частей в обществе? Не могут люди, которые сегодня поминают Анну Политковскую, одновременно радоваться дню рождения Владимира Путина.

Акрам Муртазаев: Конечно, это взаимоисключающие величины. Неслучайно Путин сказал, что это был малоизвестный журналист, смерть которого стала ярче, чем вся ее жизнь. Еще до похорон Анны он произнес такие слова. То есть все те, кто почитает Владимира Владимировича, они, конечно, не знают о существовании Анны Политковской. И я думаю, что это очень хорошо для Анны Политковской, что эти люди ее не знают. А соединить эти два вектора невозможно, потому что они направлены в совершенно противоположные стороны. Две параллельные прямые никогда не пересекутся.

Елена Рыковцева: Две страны как были, так и остаются, причем одна – большая, а вторая – очень маленькая.

Акрам Муртазаев: Вторая – даже мнимая, я бы сказал.

Елена Рыковцева: Ее вроде как и нет, этой второй страны.

В июле 2004 года, после убийства Пола Хлебникова, газета «Коммерсантъ» додумалась (другого слова не подберу) задать нескольким журналистам следующий вопрос: «Вас есть за что убивать?». Вот так в лоб нескольких человек и опросила. «Нет, я думаю, что журналистов за их деятельность не убивают, - ответил ведущий программы «Однако» Михаил Леонтьев. – Жанр «журналистское расследование» - бред, до журналиста все давным-давно расследовано, а ему только переданы материалы для публикации». Анна Политковская, обозреватель «Новой газеты», ответила совсем по-другому: «Я живу в страхе уже четвертый год. Желающих заработать деньги на убийстве в стране огромное количество. Не работающая нормально судебная система рождает почву для самого простого решения любой задачи - это выстрел или взрыв».

Так и случилось.

Елена Рыковцева

ПОДПИСАТЬСЯ

Ваше мнение

Форум закрыт, но Вы можете продолжить обсуждение на [Facebook-странице Радио Свобода](#)

Все комментарии (27)

 Осман Болиев (Европа-Кавказ)

07,10,2011 22:53

РС. Анна Политковская...Желающих заработать деньги на убийстве в стране огромное количество...- это выстрел или взрыв».

Так и случилось.

Осман Болиев. Случилось, случается и случится, пока у власти будет Путин. То что её Политковскую убьют, у неё, по моему, сомнений не вызывало, только вот, всё таки надеялась, что этого не произойдёт. Ведь действительно, как такой чудовищное убийство возможно. Ну если возможно уничтожить 250000 человек, и мир молчит, следовательно и в этом случае промолчит, так решили читающие публикации Анны Политковской в кремле и приняли решение, а исполнители нашлись, пророчески предрекала Анна Политковская.

Моё знакомство с Анной Политковской произошло в тюрьме Хасавюрта. Первая мысль, когда её увидел, что пришла мне в голову, это то, что её убьют. Я ей прямо сказал, не лезьте в это дело, в Дагестан. Вас убьют. Убивают всех, кто занимаются Дагестаном. Если Чечня, сегодня это нефть, то Дагестан это многовековая геополитика войн держав и феодалов. В Дагестане начинались войны и заканчивались. Дагестан это не тот, что до Кавказской войны, он сильно изменился. То-же самое я ей повторил в Москве, во время нашего обеда с Евгенией Альбац. Третий раз, когда мы встретились в Стокгольме, была радость, смешанная с тревогой. Она сказала Наташе Алексеевой. Вот я тебе завещаю Османа, береги его, и мне сказала, береги себя. Меня попросила провести и сама ушла.

 borZil (Чикаго)

07,10,2011 23:55

" - Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!" Нету его.

[Загрузить больше комментариев](#)

Материалы по теме

Час прессы

Смотрите также

МИР
Золотой свидетель

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ
Вождь из свиного бульона

ОБЩЕСТВО
"Всё, сворачиваемся"

КНИЖНЫЙ ШКАФ
Эхо слова

КРЫМ

Крым: тяжело и дорого

КРЫМ

"Потом опять били током"

ПОЛИТИКА

Свинья для Че Гевары

ОБЩЕСТВО

Сделать павликов морозовых

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

РАДИО СВОБОДА

ИНФОРМАЦИЯ

Радио Свобода © 2017 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.

